КІЕВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1881 года № 42 21-го октября.

Выходятъ еженедѣльно; цѣна годовому изданію 4 руб. съ пересылкою; съ Воскреснымъ Чтеніемъ (выходитъ еженедѣльно) 7 руб.

За напечатаніе объявленій взимается плата за строку или ея мѣсто за 1 разъ по 20 коп., за каждый слѣдующій разъ по 10 коп.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Изъ наблюденій сельскаго учителя надъ народною школою.

Среди общей погони за интересами матеріальнаго и эгоистическаго свойства, у насъ рѣдко можно встрѣтить за какимъ-либо скромнымъ дѣломъ человѣка, стоящаго выше него, но преданнаго ему всецѣло, трудящагося съ самоотверженіемъ, внѣ всѣхъ личныхъ интересовъ, исключительно ради этого своего скромнаго дѣла. За то такіе рѣдкіе самоотверженные дѣятели являются самыми лучшими знатоками, самыми компетентными судьями въ своемъ дѣлѣ, неоцѣненными руководителями и двигателями этого дѣла. Говоримъ это по поводу слѣдующаго рѣдкаго случая. Профессоръ Московскаго университета, человѣкъ жившій въ сферѣ высшихъ научныхъ и общественныхъ интересовъ и окруженный соотвѣтственными условіями внѣшними, г. Рачинскій, на склонѣ лѣтъ, съ этой высоты положенія низошелъ до простаго народа, удалился въ деревенскую глушь, открылъ школу и сталъ сельскимъ учителемъ; и вотъ въ теченіи уже нѣсколькихъ лѣтъ, онъ, больной и престарѣлый, въ теченіе полугода съ 8 час. утра до 8 час. вечера проводитъ время въ народной школѣ, окруженный семидесятью крестьянскими мальчиками. Подобно когда-то весьма извѣстному своею Ясно-Полянскою школою графу А. Н. Толстому, г. Рачинскій положилъ на дѣло школы народной всю свою душу; и теперь, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ беззавѣтнаго служенія этому дѣлу, онъ знакомитъ русское общество съ результатами своихъ наблюденій, съ дѣйствительнымъ положеніемъ и запросами этой близкой духовенству народной школы *). Понятно, какой интересъ должны имѣть эти наблюденія. Ученый профессоръ является не теоретикомъ, взирающимъ на школу съ каѳедры или изъ отвлеченной дали кабинета, а самымъ серіознымъ практикомъ, съ широкимъ, долголѣтнимъ опытомъ. Еще болѣе, имѣя первоначально, какъ мы слышали, совершенно иныя воззрѣнія, онъ подчинилъ ихъ живому вліянію народа, не переработывалъ школы по прежнимъ своимъ теоріямъ, а самъ переработался школою, такъ что является дѣйствительнымъ выразителемъ ея духа и потребностей.

Изъ „Замѣтокъ о сельскихъ школахъ" г. Рачинскаго, для насъ преимущественно важны его воззрѣнія по предмету религіознаго характера народной школы и отношенія къ ней духовенства. Почтенный профессоръ—школьный учитель даетъ по этому вопросу много новыхъ, смѣлыхъ, оригинальныхъ и вмѣстѣ сочувственныхъ, возбудительныхъ для духовенства идей. Наша народная школа, какъ отражающая въ себѣ особенности религіознаго и племеннаго характера русскаго народа и его особеннаго общественнаго склада, не похожа на школы западныя. Въ противоположность имъ, наша сель-

*) „Русь" № 45—48 „Замѣтки о сельскихъ школахъ".

ская школа возникаетъ, говоритъ г. Рачинскій, при весьма слабомъ участіи духовенства, при глубокомъ равнодушіи общественныхъ классовъ и правительственныхъ органовъ,—изъ потребности *безграмотнаго* населенія дать своимъ дѣтямъ извѣстное образованіе. Отсюда преподаваніе въ сельскихъ школахъ не можетъ имѣть у насъ никакого направленія, кромѣ даннаго тѣми же безграмотными родителями. Надъ школами у насъ четверной контроль: дирекціи народныхъ училищъ, епархіальнаго начальства, училищныхъ совѣтовъ и полиціи. Но директоры и инспекторы народныхъ училищъ завалены многосложными бумажными отчетами и важнаго вліянія на школу не имѣютъ; участіе училищныхъ совѣтовъ ограничивается одною матеріальною стороною дѣла; благочинные и спеціальные надзиратели за преподаваніемъ Закона Божія посѣщаютъ школы нехотя и только для формы; полиція, къ счастію, въ дѣло школы совсѣмъ не вмѣшивается. И при всемъ томъ, число школъ растетъ и онѣ не только остаются нетронутыми нигилистическою пропагандой, но пріобрѣтаютъ все более религіозный церковный характеръ, и центральнымъ предметомъ преподаванія все более становится Законъ Божій, отъ преподаванія котораго въ большинствѣ случаевъ упорно отказываются священники или который они предоставляютъ учителю. Результатъ этотъ тѣмъ более замѣчателенъ, что, при возникновеніи нашихъ школъ повидимому все склоняло ихъ въ направленіе противоположное: и равнодушіе къ нимъ духовенства и краткое увлеченіе, смѣнившееся охлажденіемъ, мѣстной интеллигенціи, и фальшивое отношеніе къ нимъ министерства и стремленіе противообщественныхъ антирелигіозныхъ элементовъ овладѣть этою возникающею школою. О равнодушіи духовенства къ школѣ, говоритъ г. Рачинскій, писано много, съ явнымъ впрочемъ злораднымъ преувеличеніемъ. Интеллигенція наша, какъ извѣстно, допускаетъ въ школѣ религіозный элементъ лишь ради соблюденія какихъ-то консервативныхъ приличій или какъ уступку невѣжественнымъ требованіямъ простонародья, и это лицемѣрное отношеніе къ нему вреднѣе прямаго гоненія. Что касается министерства, то въ его постановленіяхъ, циркулярахъ, инструкціяхъ, преисполненныхъ выраженіями неустанной заботливости о процвѣтаніи религіознаго элемента, мало искренности. Стоитъ только припомнить то приниженное положеніе, которое отведено преподаванію Закона Божія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Относительно сельскихъ школъ, стоитъ только заглянуть въ „Каталогъ книгъ для употребленія въ сельскихъ школахъ", изданный въ 1875 г. Слѣдуетъ замѣтить, что всякая книга, не входящая въ этотъ каталогъ (распадающійся на списки книгъ рекомендованныхъ, одобренныхъ и допущенныхъ) безусловно запрещена. Повѣритъ ли мнѣ читатель (говоритъ г. Рачинскій), если я скажу ему, что въ этомъ каталогѣ не значится ни Часослова, ни Псалтири, ни Ветхаго Завѣта! *Новый* Завѣтъ „одобренъ", но не „рекомендованъ". Всякому, конечно, извѣстно, что безъ Часослова и Псалтири сельская школа у насъ немыслима, что Ветхій Завѣтъ во всякой школѣ необходимъ. Тѣмъ не менѣе употребленіе этихъ книгъ въ школахъ оказывается *„безусловно запрещеннымъ"* со стороны министерства!! Не имѣя къ счастію ни малѣйшаго практическаго результата, это запрещеніе служитъ только показателемъ внимательности министерства въ духовно-нравственнымъ нуждамъ народа.

И не смотря на всѣ эти неблагопріятныя для религіознаго элемента въ школѣ обстоятельства, этотъ элементъ въ ней болѣе и болѣе усиливается и всѣмъ памятно, что нигилистическій походъ *въ народъ,* въ программу коего, между прочимъ, входило и отравленіе сельской школы, окончился полнѣйшею неудачею. Сохраненіе и укрѣпленіе въ школѣ религіознаго элемента совершается воздѣйствіемъ и преобладаніемъ надъ указанными неблагопріятными условіями самого населенія, оффиціально безправнаго, безграмотнаго и повидимому некомпетентнаго въ дѣлѣ,—производится медленнымъ, почти безсознательнымъ, но упорнымъ давленіемъ снизу,—пассивнымъ сопротивленіемъ всему неподходящему къ народному понятію о школѣ, выживаніемъ негодныхъ и поощреніемъ удовлетворительныхъ учителей, неотразимымъ вліяніемъ учащихся на учащихъ. Этотъ религіозный церковный характеръ, налагаемый на нашу школу силою вещей, обусловливаетъ и ея программу. Въ программѣ этой между другими предметами г. Рачинскимъ съ особенною силою выставляется значеніе *церковно славянскаго языка*, въ педагогическомъ и образовательномъ отношеніи. Въ знаніи церковно-славянскаго языка г. Рачинскій видитъ неоцѣненное преимущество нашей школы предъ всѣми другими. „Обязательное изученіе языка мертваго, обособленнаго отъ отечественнаго цѣлымъ рядомъ синтаксическихъ и этимологическихъ формъ, а между тѣмъ столь къ нему близкаго, что изученіе его вполнѣ

доступно на первыхъ ступеняхъ грамотности, это такой педагогическій кладъ, которымъ не обладаетъ ни одна сельская школа въ мірѣ. Это изученіе, составляя само по себѣ превосходную умственную гимнастику, придаетъ жизнь и смыслъ изученію языка русскаго, придаетъ незыблемую прочность пріобрѣтенной въ школѣ грамотности". Грамотность эта по силѣ вещей у насъ можетъ быть только религіозная и этотъ религіозный характеръ грамотности вмѣстѣ съ тѣмъ есть наиболѣе плодотворный въ образовательномъ отношеніи. „По условіямъ нашего сельскаго быта, говоритъ г. Рачинскій, по бѣдности и малодоступности нашей свѣтской литературы, для грамотнаго крестьянина не существуетъ иного постояннаго упражненія въ грамотности, кромѣ чтенія Псалтири по покойникамъ и участія въ богослуженіи. Свѣтскихъ книгъ, доступныхъ и полезныхъ крестьянину, у насъ слишкомъ мало, и онѣ попадаются ему рѣдко. Между тѣмъ неисчерпаемыя богатства нашего богослужебнаго круга,—этого сокровища поэзіи, нравственнаго и догматическаго поученія на ряду съ Свящ. Писаніемъ и житіями святыхъ,—даютъ постоянную пищу уму, воображенію, нравственной жаждѣ нашего грамотнаго крестьянина, поддерживаютъ въ немъ способность къ тому серіозному чтенію, которое одно полезно и желательно. Вотъ почему, между прочимъ, лишь тѣ школы, которыя устроены при церквахъ, плодятъ у насъ истинныхъ граматѣевъ. Вотъ почему также огромное значеніе имѣетъ въ образованіи церковное пѣніе". Въ слѣдствіе основной особенности въ характерѣ русскаго народа, какъ религіознаго по преимуществу, школа наша необходимо должна быть религіозною и стоять въ связи съ церковію. „Отношеніе дѣтей къ предметамъ религіознымъ и нравственнымъ, говоритъ г. Рачинскій, не можетъ быть иное, какъ отношеніе къ нимъ ихъ родителей, лишь болѣе безсознательное и смутное. Та высота, та безусловность нравственнаго идеала, которая дѣлаетъ Русскій народъ народомъ христіанскимъ по преимуществу, которая въ натурахъ спокойныхъ и сильныхъ выражается безграничною простотою и скромностію въ совершеніи всякаго подвига, доступнаго силамъ человѣческимъ, которая въ натурахъ страстныхъ и узкихъ ведетъ къ ненасытному исканію, часто къ чудовищнымъ заблужденіямъ, которая въ натурахъ широкихъ и слабыхъ влечетъ за собою преувеличенное сознаніе своего безсилія, и, въ связи съ нимъ, отступленіе предъ самыми исполнимыми нравственными задачами, необъяснимыя, глубокія паденія; которая во всякомъ русскомъ человѣкѣ обусловливаетъ возможность внезапныхъ побѣдоносныхъ поворотовъ отъ грязи и зла къ добру и правдѣ,—вся эта нравственная суть русскаго человѣка уже заложена въ русскомъ ребенкѣ. Велика и страшна задача русской школы въ виду этихъ могучихъ и опасныхъ задатковъ, въ виду этихъ силъ, этихъ слабостей, которыя она призвана поддержать и направить. Школѣ, отрѣшенной отъ церкви, эта задача не по силамъ. Лишь въ качествѣ органа этой церкви, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, можетъ она приступить къ ея разрѣшенію. Ей нужно содѣйствіе всѣхъ наличныхъ силъ этой церкви, и духовныхъ и свѣтскихъ". Раскрывая присущій крестьянскимъ дѣтямъ этотъ высокій нравственно-религіозный характеръ, составляющій основную черту Русскаго народа, г. Рачинскій говоритъ, что онъ часто задаетъ своимъ ученикамъ сочиненія на тему—высказать, какъ бы каждый изъ нихъ желалъ провести свою жизнь. Какой же получается отвѣтъ? Большинство мальчиковъ, нарисовавъ себѣ жизнь, соотвѣтствующую ихъ хозяйственнымъ вкусамъ и наклонностямъ, заключаетъ ее отрѣшеніемъ отъ всего мірскаго, раздачею имущества бѣднымъ, поступленіемъ въ монастырь! Мотивъ—который во всякой другой школѣ, кромѣ русской, можетъ явиться лишь какъ рѣдкое исключеніе. Характеристически изображаетъ также г. Рачинскій учившагося у него двадцатилѣтняго юношу, который во время послѣдней войны страстно желалъ поступить въ военную службу и одушевлялся искреннею и радостною *надеждою быть убитымъ*, чего и достигъ подъ Плевною.

Указавъ на религіозный характеръ школы, какъ на основный, существенно требуемый самимъ духомъ русскаго народа, и на происходящую отсюда необходимость связи школы съ церковію, г. Рачинскій характеризуетъ учениковъ, учителей и законоучителей нашей современной школы. Между учителями, по наблюденіямъ г. Рачинскаго, первый разрядъ и по времени появленія и по внутреннему достоинству составляютъ молодые люди, окончившіе курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ и готовящіеся къ священническому сану. „Наша сельская школа не имѣетъ и долго не будетъ имѣть контингента учителей болѣе солидно и многосторонне подготовленныхъ. Основательность ихъ свѣдѣній особенно по русскому и церковнославянскому язы-

ку и по Закону Божію, вполнѣ вознаграждаетъ нѣкоторую недостаточность въ знакомствѣ съ пріемами элементарнаго обученія. Эта недостаточность, впрочемъ, лишь относительная. Въ духовныхъ семинаріяхъ преподается педагогика, при нихъ существуютъ воскресныя школы для упражненія воспитанниковъ. На той ступени умственнаго развитія, которая достигается нашими семинаристами, всякій методъ преподаванія усвоивается сознательно и легко. Громадное преимущество доставляетъ имъ также полное практическое знакомство съ богослуженіемъ и извѣстный навыкъ къ церковному пѣнію. Тѣ немногіе изъ нихъ, для которыхъ священство есть дѣло призванія, и многіе другіе, въ силу своей умственной зрѣлости, относятся къ своему дѣлу добросовѣстно и серіозно. Привлеченіе ихъ къ дѣятельности въ сельской школѣ (чрезъ особую назначенную имъ стипендію) составляетъ дѣйствительную заслугу министерства народнаго просвѣщенія. Къ сожалѣнію, этотъ цѣнный контингентъ, при возрастающемъ количествѣ школъ, при повсемѣстномъ недостаткѣ въ священникахъ, совершенно изчезаетъ сравнительно съ потребностію въ учителяхъ. Рѣдкому изъ этихъ молодыхъ людей доводится провести въ должности учителя положенные закономъ три года; они только проходятъ чрезъ сельскую школу и оставляютъ ее, не успѣвъ пріобрѣсти тотъ навыкъ, ту опытность, которые одни могли бы сдѣлать изъ нихъ безукоризненныхъ сельскихъ учителей".

Но особенно замѣчателенъ отзывъ и разсужденія г. Рачинскаго о священникахъ—законоучиляхъ школы. „Читателю, говоритъ авторъ, тотчасъ приходитъ на умъ повторяемые на всѣ лады и, къ сожалѣнію, отчасти справедливые упреки нашему сельскому духовенству за его якобы полное равнодушіе къ дѣлу сельской школы. Да, эти упреки справедливы, но они преувеличены. Изъ среды нашего сельскаго духовенства рѣзко выдѣляется постепенно возрастающее меньшинство священниковъ, беззавѣтно преданныхъ дѣлу народнаго образованія, видящихъ въ немъ необходимое дополненіе своей пастырской дѣятельности. Благо той школѣ, которая обладаетъ такимъ законоучителемъ. Она не умретъ, какія бы ее ни постигли внѣшнія и внутреннія невзгоды. Она пустить и глубокіе корни и широкія вѣтви. По самому свойству нашей сельской школы, священникъ, принимающій къ сердцу ея преуспѣяніе, пріобрѣтаетъ въ ней кругъ дѣятельности несравненно болѣе широкій, чѣмъ простое преподаваніе Закона Божія. Онъ раздѣляетъ или беретъ на себя труды учителя по преподаванію церковно-славянскаго языка. Обладая въ огромномъ большинствѣ случаевъ болѣе обширными и солидными познаніями, чѣмъ учитель (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда учитель также окончившій курсъ семинаріи) онъ имѣетъ благотворное вліяніе и на всѣ прочія отрасли преподаванія, ибо если онъ искренно преданъ школьному дѣлу, то онъ человѣкъ не притязательный и скромный, какъ всѣ наши хорошіе священники, щадящій самолюбіе своего младшаго товарища. Но еще важнѣе воспитательное вліяніе священника на школу. Урокъ Закона Божія, этотъ любимый урокъ нашихъ учениковъ, исходя изъ устъ любимаго священника, учащаго своею жизнію, пріобрѣтаетъ громадную силу, помимо тѣхъ элементарныхъ свѣдѣній, которыя въ немъ сообщаются. Священникъ, и внѣ классовъ слѣдящій за жизнію учениковъ, оторванныхъ отъ семьи, приходящій въ ихъ бѣдныя жилища на утреннюю и вечернюю молитву, входящій въ ихъ маленькія горести, въ ихъ горькія нужды,—дѣлаетъ больше и лучше, чѣмъ самый искусный преподаватель. Онъ придаетъ смыслъ этой насильственной жизни дѣтей вдали отъ роднаго дома *), подъ сѣнію церкви. Онъ завязываетъ съ своею паствою тѣ неразрывныя связи, которыя однѣ даютъ прочность и дѣйственную силу его школьнымъ поученіямъ. Хорошій священникъ—душа школы; школа—якорь спасенія для священника. Все это не предположенія, не благія пожеланія, а краткая отповѣдь моихъ личныхъ наблюденій".

И при всемъ томъ, продолжаетъ г. Рачинскій, упрекъ нашему духовенству въ равнодушіи къ школѣ—этотъ страшный упрекъ, заставляющій многихъ сомнѣваться въ жизненности нашей школы и самой церкви,—въ общемъ и цѣломъ не теряетъ своей силы. Гдѣ искать причинъ этого прискорбнаго, подавляющаго явленія? Поставивъ этотъ вопросъ, авторъ отвѣчаетъ на него съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ, достойнымъ глубокаго вниманія. Вину равнодушія духовенства авторъ видитъ въ самомъ обществѣ свѣтскомъ и обращается къ нему съ словами горькаго упрека и сильнаго воззванія. „Оглянемся на себя", говоритъ онъ, отъ лица лю-

*) Слѣдуетъ замѣтить, что авторъ имѣетъ дѣло со школою великорусскою, гдѣ въ школу собираются дѣти изъ другихъ деревень. Впрочемъ едвали не въ этомъ только отличіе отъ большинства школъ нашего края.

дей свѣтскихъ. „Вспомнимъ, хоть на мгновеніе, что мы не католики, что въ церковныхъ вопросахъ мы не имѣемъ права отдѣлять себя въ качествѣ безсильныхъ, ни за что не отвѣтственныхъ мірянъ, отъ непогрѣшимаго, всѣмъ управляющаго клира. Вѣдь церковь—это также мы; въ вопросахъ образованія и ученія,—это преимущественно мы, люди досуга и знанія, надѣленные всѣми данными для оцѣнки неизмѣримой важности этихъ вопросовъ. Будемъ откровенны, будемъ искренни. Для многихъ ли изъ насъ вопросы вѣры—вопросы жизни? Принялъ ли хоть одинъ изъ насъ на себя эту должность священника, о важности и святости которой мы такъ охотно толкуемъ? Что я говорю? Многіе ли изъ насъ пошевельнутъ пальцемъ, чтобы имѣть въ своемъ приходѣ достойнаго священника, чтобы удержать его въ немъ? Многіе ли изъ насъ смотрятъ на религіозный элементъ въ школѣ какъ на самую ея суть, а не какъ на благовидный, безвредный придатокъ? И мы жалуемся на то, что священники наши плохи, что вліяніе ихъ на нашу школу ничтожно! Да, священники наши плохи. Наше духовенство чахнетъ и гибнетъ, гибнетъ медленною, позорною смертію, похожею на самоубійство. Долго замкнутое въ строгую касту, оно постоянно выдѣляло и продолжаетъ выдѣлять изъ себя всѣ живыя силы, сохраняя въ своихъ нѣдрахъ лишь элементы слабые и косные, да тѣ немногія сильныя личности, въ которыхъ случайно призваніе совпало съ рожденіемъ. Нынѣ замкнутость духовнаго сословія уничтожена законами. Двери настежь, но никто въ нихъ не входитъ. Кто-же въ этомъ виноватъ? Легко ссылаться на Петровскія реформы, на цѣлый рядъ правительственныхъ постановленій, облекшихъ нашу церковь въ мертвящія формы казеннаго вѣдомства. Но все это не корень зла, а вопіющій его признакъ. Надъ живою церковію никакое правительство въ мірѣ не властно; зло не въ мѣрахъ правительства, а въ медленномъ, постепенномъ, по большей части безсознательномъ отпаденіи отъ церкви всего, что у насъ есть образованнаго, богатаго, властнаго. Дивиться ли тому, что это отпаденіе, у людей образованныхъ, обставленное всѣми приличіями сдержанной недосказанности, въ подражающей имъ полуобразованной массѣ выражается безобразнымъ кощунствомъ или грубымъ лицемѣріемъ? Дивиться ли приниженному матеріально и нравственно положенію нашего духовенства, въ свою очередь выталкивающему изъ него, почти поголовно, всѣ силы, которыя могли бы поднять его нравственный уровень, его нравственный авторитетъ? Дивиться ли полуробкому, полураздраженному отношенію его къ школѣ, водворенной въ нашихъ селахъ этимъ нецерковнымъ, или даже противуцерковнымъ элементомъ нашего общества? Дивиться ли тому, что большинство изъ нихъ выжидаетъ, чтобы искренность настояній на ихъ участіи въ школьномъ дѣлѣ выразилась хотя бы назначеніемъ имъ какого-либо вознагражденія за ихъ учительскіе труды*)? Дивиться ли, что священникъ, *только для виду* приглашаемый въ школу, *только для виду* исполняетъ въ ней свои обязанности? Дивиться нужно скорѣе тому, что у насъ встрѣчаются сельскіе священники, и число ихъ не мало, въ тишинѣ и смиреніи совершающіе свое святое дѣло, за которое никто никогда не скажетъ имъ спасибо. Это печальное положеніе продлится до тѣхъ поръ, пока не измѣнится отношеніе къ церкви нашихъ образованныхъ классовъ, и пока эти классы будутъ задавать тонъ нашей сельской школѣ. Тутъ не помогутъ никакіе министерскіе циркуляры, никакія архипастырскія увѣщанія. Лишь созданіе въ большинствѣ грамотнаго, сознающаго свои вещественныя и духовныя нужды крестьянства, можетъ, въ числѣ тысячи противорѣчій нашей общественной жизни, разрѣшить и тотъ узелъ, который до сихъ поръ связываетъ нормальное развитіе нашей сельской школы, и это созданіе неминуемо совершится, даже помимо всякихъ оффиціальныхъ школъ, въ теченіе двухъ-трехъ поколѣній. Оно же и оживитъ нашу церковь наплывомъ новыхъ силъ въ наше духовенство, могучею поддержкою тѣхъ добрыхъ элементовъ, которые въ немъ уцѣлѣли. Положеніе нашей церкви опасно. Опасно оно не для самой церкви;—ея побѣдоносная жизненность проявляется и теперь для всякаго, кто имѣетъ глаза, чтобы видѣть, уши чтобы слышать. Оно опасно для тѣхъ, которые отъ нея отпали. Не тайнымъ ли сознаніемъ этой опасности объясняется позорное равнодушіе нашей интеллигенціи къ дѣлу образованія нашего народа, ея торопливая жажда захватить внѣшнюю власть, за неимѣніемъ внутренней? Спасти эту интеллигенцію

*) Нѣкоторыя земства, рѣшившіяся наконецъ дать священникамъ вознаграждеоіе за законоучительство, обставили полученіе его крайне стѣснительными условіями. Такъ они дали законоучителямъ почасную плату, чѣмъ поставили предѣлъ учительской дѣятельности священника, и затѣмъ поставили эту плату въ зависимость отъ аттестаціи учителя, нерѣдко недоучившагося мальчишки, относящагося къ священнику съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ и канцелярскою придирчивостію.

отъ погибели, которую она себѣ готовитъ, могутъ только дружныя усилія людей мыслящихъ и вѣрующихъ, неустанная ихъ работа на почвѣ церкви, на почвѣ школы. Медлить невозможно. Предостереженій было довольно“.

Сообразно съ общимъ воззрѣніемъ на школу, какъ продуктъ народнаго духа, изъ него заимствующій всю свою жизненную силу, г. Рачинскій смотритъ и на вопросъ объ организаціи школы. Чѣмъ ближе эта школа къ народу по своему направленію, характеру учителя, по средствамъ содержанія и контролю, тѣмъ лучше. Министерскія однокласныя училища, какъ наиболѣе далекія отъ этихъ связей съ народомъ, наименѣе удовлетворительны, по взляду автора, народнымъ потребностямъ наиболѣе удовлетворяютъ школы волостныя и деревенскія. Но такъ какъ волость для школы представляется автору единицею слишкомъ крупною, а деревня слишкомъ мелкою, то всего удобнѣе, по его мнѣнію, пріурочить школу къ приходу, который, не имѣя этихъ неудобствъ, и нравственно связываетъ жителей различныхъ селеній, и представляетъ собою единственную у насъ всесословную единицу. Авторъ желаетъ, чтобы всѣ по возможности наши сельскія школы приняли характеръ школъ приходскихъ, и желаетъ этого особенно потому, что такой ихъ характеръ одинъ можетъ привлечь къ нимъ и окончательно за ними обезпечить живое участіе нашего сельскаго духовенства. „Въ приходской школѣ священникъ, говоритъ онъ,—является не наемнымъ преподавателемъ, а исполнителемъ прямыхъ своихъ обязанностей относительно своей паствы. Помимо всякаго денежнаго вознагражденія, онъ своею дѣятельностію въ школѣ возвышаетъ и упрочиваетъ свое положеніе въ приходѣ, и тѣмъ самымъ упрочиваетъ свое благосостояніе. Хорошо веденная приходская школа, возвышая красоту богослуженія, распространяя пониманіе церковной службы и любовь къ ней, прямо ведетъ къ увеличенію церковныхъ доходовъ“. Эта внѣшняя сторона дѣла, но еще важнѣе внутренняя. Наша сельская школа, сдѣлавшись приходскою, тѣмъ самымъ пріобрѣтетъ характеръ церковный въ широкомъ смыслѣ этого слова, станетъ дѣломъ всѣхъ церковныхъ элементовъ сельскаго населенія духовныхъ и свѣтскихъ, безъ различія состоянія и сословія. Прежде всего она станетъ дѣломъ самихъ священниковъ. Они уже имѣютъ предъ собою примѣры школъ, возникшихъ исключительно по почину священниковъ, но ихъ пугаютъ трудности новаго дѣла, пользу и важность котораго они не могутъ не понять. Между тѣмъ большинство молодыхъ священниковъ поступаютъ на мѣста съ неопредѣленнымъ желаніемъ сдѣлать для своего прихода нѣчто большее, чѣмъ простое исполненіе требъ и службъ. Эти желанія въ послѣдствіи глохнутъ за неимѣніемъ поддержки и общаго направленія. Эту поддержку, это направленіе должна имъ дать та часть нашего образованнаго общества, для которой интересъ къ школѣ неразрывенъ съ интересомъ церкви. Уже теперь, всякій сельскій священникъ, дѣйствуя съ терпѣніемъ, безкорыстіемъ и энергіею, можетъ собрать въ своемъ приходѣ средства, необходимыя для содержанія школы. Но не всѣ одинаково одарены этими свойствами. Помощь въ большинствѣ случаевъ необходима. Распространеніе у насъ приходскихъ школъ будетъ истиннымъ благодѣяніемъ для нашего духовенства. Жизнь нашихъ сельскихъ батюшекъ пуста. Лѣто ихъ кое-какъ наполняется хозяйственными заботами. Но зимою самое добросовѣстное исполненіе службъ и требъ оставляетъ широкіе пробѣлы, по неволѣ наполняющіеся разъѣздами по гостямъ, игрою въ карты, пошлыми общественными развлеченіями. Не говорю уже о тѣхъ печальныхъ случаяхъ, когда они наполняются пьянствомъ и развратомъ. Пора вытянуть ихъ изъ болота, затягивающаго ихъ». При искреннемъ дѣятельномъ участіи священника въ школѣ самъ собою разрѣшится въ его пользу и вопросъ о правѣ контроля за преподаваніемъ въ школѣ. Право на этотъ контроль принадлежитъ всему приходу, но за недостаткомъ для этого времени и свѣдѣній у родителей учениковъ, это право на дѣлѣ по необходимости переносится на компетентнаго человѣка, пользующагося довѣріемъ прихода, и таковымъ неминуемо является священникъ, стоящій на высотѣ своего призванія. Дать это право огульно всему духовенству, по мнѣнію г. Рачинскаго, было бы ошибкою, но всякій отдѣльный священникъ можетъ и долженъ „завоевать себѣ это право,—не въ силу своего сана, а въ качествѣ истиннаго пастыря своего прихода, радѣющаго о всѣхъ его духовныхъ нуждахъ“.

Мы хотѣли познакомить читателей съ однимъ изъ самыхъ зрѣлыхъ и трезвыхъ и потому самыхъ сочувственныхъ духовенству воззрѣній на положеніе и задачи народной школы и отношеніе къ ней духовенства. Высокія достоинства почтеннаго профессора—школьнаго учителя и его многолѣтняя

опытность въ дѣлѣ, о которомъ онъ разсуждаетъ, ручаются за практическую серіозность его сужденій, вѣсъ и сила которыхъ неотразимо чувствуются и сами собою. Дай Богъ, чтобы въ литературѣ нашей больше и больше укрѣплялись подобныя воззрѣнія на школу и задачи духовенства въ отношеніи къ ней. Тогда, быть можетъ, и въ самомъ положеніи школы и духовенства они принесли бы *новые* добрые плоды по роду своему.

Престольный праздникъ въ с. Ковалевкѣ (Васильковскаго уѣзда).

16 декабря 1879 года окончена постройка церкви въ с. Ковалевкѣ и освящена въ честь Рождества Пресв. Богородицы. Въ настоящій годъ праздникъ храмовой праздновался во второй разъ послѣ освященія новой церкви. Наканунѣ 8 сентября, по приглашенію настоятеля, совершалъ малую вечерню священникъ села Т—х—ра Тарасъ Ѳеодотовичъ Г—скій, на вечернѣ самъ настоятель управлялъ клиросомъ и осмысленно прочиталъ стихиры—на Господи возвахъ—въ честь всеславнаго Рождества Пресв. Богородицы. Стройное пѣніе и внятное чтеніе видимо растрогали умиленный духъ предстоящаго народа, такъ что по окончаніи вечерни народъ еще долго стоялъ въ молитвенномъ умиленіи предъ особо чтимымъ образомъ Божіей Матери, какъ бы въ ожиданіи еще и еще сладостныхъ и трогающихъ душу пѣснопѣній въ честь преславнаго Рождества Пресв. Дѣвы Маріи.

По мѣстному обычаю всенощная началась въ три часа по полуночи. Молящихся собралось гораздо болѣе, нежели было на вечерни. На литію и величаніе, а также и славословіе выходилъ соборомъ мѣстный священникъ съ о. Т. Г—мъ и діакономъ о. Ер. Т—мъ. Эта торжественность богослуженія привлекала вниманіе народа до того, что вся церковь, въ безмолвномъ созерцаніи хода священнодѣйствій, обратилась какъ бы въ молитву очами: все затихло, обыкновеніе народа читать свои молитвы, даже довольно слышнымъ шопотомъ, безучастно ко всему происходящему священнодѣйствію въ олтарѣ и на клиросѣ,—на сей разъ не было слышно.

Во время чтенія Евангелія такая была тишина, что, кажется, церковь опустѣла. Простой народъ невыразимо любитъ церковныя богослуженія внятно и торжественно совершаемыя. Привычка же народа читать свои домашнія молитвы во время служеній церковныхъ, вѣроятно, и явилась по винѣ самаго же духовенства, которое спѣшнымъ и самихъ для себя же непонятнымъ чтеніемъ и пѣніемъ нашихъ гугнивыхъ дьячковъ, вынудило предстоящій народъ, не слушая церковнаго богослуженія, отправлять каждаго порознь свое моленіе жужжаніемъ разныхъ молитвъ своихъ по нѣсколько разъ въ задъ и впередъ, лишь бы не заснуть, стоя въ церкви *). Нѣкоторые же изъ такъ называемыхъ книжниковъ, мы слышали, прочитываютъ вмѣстѣ съ молитвами, что въ букварѣ лаврской печати—все по порядку въ книжкѣ, какъ-то: молитвы предъ и послѣ ученія, предъ и послѣ обѣда, и краткіе нравоученія: помни юноша... и даже и—то, что: у человѣка пять чувствъ: зрѣніе, слухъ и т. д. до послѣдней страницы букваря. Все это прочитываютъ они настолько громкимъ шопотомъ, что даже въ алтарь доносится это жужжаніе. Конечно, цѣль такого чтенія—благая: поучить невѣждъ близь стоящихъ, которые пробавляются, по незнанію ничего больше, безконечнымъ чтеніемъ „отче нашъ, иже исы"!.. и притомъ—показать свое знаніе книжной мудрости.—И подобное жужжаніе молитвъ, насколько намъ извѣстно, происходитъ почти по всѣмъ сельскииъ церквамъ кіевской епархіи. Пора бы принять мѣры духовенству противъ сего обычая, нарушающаго благочиніе церковное. И самая благая была бы мѣра—это внятное и разумно-неспѣшное пѣніе и чтеніе при богослуженіи нашими псаломщиками: тогда бы народъ понималъ богослуженіе и бросилъ бы въ церкви свое отправленіе молитвъ. Конечно, при семъ необходимо и пастырямъ объяснить неумѣстность обычая народнаго нарушать своимъ жужжаніемъ тишину и благочиніе въ церкви.

Литургія совершена была соборне четырьмя священниками съ діакономъ. Предъ литургіею совершенъ былъ молебенъ съ акаѳистомъ Божіей

---

*) Намъ приходилось слышать, что въ это шептаніе молитвъ многіе простяки приплетаютъ такъ назыв. народныя молитвы „на пристритъ", „на скотынку", и др. Изъ нихъ первая читается такъ: Самъ Сусъ Христосъ, Сама Его пречиста Марія—Матирь, еще Ванъ Воинъ съ Рхангеломъ Гавріиломъ и св. Миколай и вода святая спасайте, сохраняйте и ратуйте весподованнаго раба, имя рекъ, отъ призору, отъ людского мору, отъ лихого пристриту и огнѣвицы, що була у Петровой сестрицы, нехай все злее чарованье пливе на море, якъ кострицця, а рабу,—имя рекъ, минецця немога съ головоньки, съ ручененекъ, съ ноженекъ, съ подъ сердця и поясныци: бо Сусу слава, пречист. Матери держава, а всимъ святымъ честь, бо у насъ Бога есть. Аминь. Или вотъ еще—на скотину мотитва: „Самъ св. Власій съ Хараламіемъ въ двохъ, да еще Флоривъ Лавръ скотину паслы и царство Божіе нашлы, ратунокъ свій дайте намъ, худобку нашу благайте, видъ мору отгоняйте, бо мы щиримъ сердцемъ ласки Вашои просымъ, щобъ самого св. Іордану водою святою, а съ горы Олгофіи съ пидъ самого креета, де Адамова голова, зильями пахнючими скотыну нашу отъ пади лютои видратовалы, и нехай все лыхо тее пиде на сухи лиса, та на болота и писки велыки ажъ до окояну—моря водою знесе, а насъ Самъ Иванъ Христытель съ крестомъ спасе и помылуе во вики вичные. Аминь.

Матери, а послѣ литургіи—водоосвященіе и крестный ходъ вокругъ церкви съ чтеніемъ Евангелій по сторонамъ: южной, восточной, сѣверной и западной, причемъ окроплялся народъ св. водою. По окончаніи сего на паперти сдѣланъ отпустъ съ возглашеніемъ многолѣтія: Государю и всѣму Царств. Дому, Высокопреосвященнѣйшему митрополиту Филоѳею съ паствою и Сиглиту съ воинствомъ православнымъ. Послѣ чего преподано было народу цѣлованіе креста и назнаменаніе благословеннымъ елеемъ всенощнымъ, а въ церкви настоятель церкви съ двумя священниками въ это же самое время совершалъ панихиду—по просьбѣ прихожанъ—заупокой Царя Александра-Мученика и супруги его Государыни Страдалицы Матушки Маріи Александровны и митрополита Арсенія. Каждый изъ народа спѣшилъ возвратиться въ церковь, какъ только успѣвалъ на паперти окончить цѣлованіе св. креста, храмовой иконы и принять помазаніе благословеннымъ елеемъ на челѣ—чтобы приклонить колѣна при панихидѣ за Царя отца освободителя Александра Мученика, а во время возглашенія вѣчной памяти Ему весь народъ палъ на колѣни и на глазахъ многихъ замѣтны были слезы. Стройное пѣніе и краткое поученіе, сказанное о. настоятелемъ во время причастнаго на литургіи, довершали торжественность праздничнаго Богослуженія. Весь народъ видимо былъ въ состояніи возбужденія духовнаго. И тутъ же на цвынтари, по примѣру древней церкви, послѣ краткой литіи за умершихъ отецъ и братій, раздѣлили праздничную трапезу, приготовленную тутъ же за цер. оградой женами братчиковъ изъ продуктовъ, собранныхъ со всего прихода. Первую чарку здѣсь предложилъ мѣстный священникъ за благоденствіе Государя Императора Александра III-го, Супругу Его и весь Царствующій Домъ, а кто-то изъ народа, поднялъ чарку вина, сказалъ: „треба, люди добрые, еще выпиты и за нашого святаго отца Филоѳея, щобъ Его Маты Божія отъ болѣсти спасла и вика прибавила". За симъ братчикъ Х—нъ Пр—ко поднявъ чарку съ словами: выпьемъ же, братци, и за отцивъ, що сегодня правилы въ церкви намъ службу Божу и молылыся за насъ, дуже гарно було и дивытця и слухаты намъ таку отправу,—дай Боже!" За этимъ возгласомъ вся болѣе чѣмъ пятитысячная масса народа опять повторила—какъ и за первыми двумя тостами, вмѣсто ура!—малороссійское „дай Боже"! Слова „дай Боже", какъ громъ раздавались на все село. По окончаніи обѣда настоятелемъ церкви о. С., по просьбѣ братчиковъ, возглашена „вѣчная память" Александру II, положившему жизнь свою за люди своя и даровавшему средства устроить и сей новый храмъ.

Когда все уже было кончено, братчики пригласили народъ пить „медъ", приготовленный ради праздничнаго утѣшенія, чтобы отвлечь народъ отъ корчмы и разгула. Настоятель благословилъ разсыченный медъ сей, причемъ объявилъ цѣль и значеніе сыченія меда въ храмовые праздники.

Во весь день не слышно было ни шуму пьянаго, ни даже непристойныхъ пѣсень, а до самаго вечера не только молодежъ, но и хозяева проводили праздникъ первые въ невинныхъ играхъ, а вторые за кружкою меда или бесѣдуя съ своими гостями (изъ пришедшихъ на праздникъ), тутъ же вокругъ церкви сидя на травкѣ. Когда мы пришли на вечерню, тогда только все поднялось на ноги и направилось большинство за нами въ церковь, а остальные начали расходиться по домамъ, провожая своихъ гостей. Такъ совершалось торжество храмоваго праздника. И какъ бы духовенство обезпечило за собою привязанность народа, если бы, по мѣрѣ возможности, не страшась затраты на угощеніе своихъ сосѣдей священниковъ, приглашало бы другъ друга въ такіе дни для совершенія соборне Богослуженія, которое простой народъ такъ любитъ видѣть и посѣщать. Этимъ можно бы отвлекать народъ отъ праздничнаго бездѣлья, бражничанія по корчмамъ и шатанья по базарамъ, куда къ прискорбію, и само духовенство спѣшитъ (на скоро отслуживъ часы, и иные и того нѣтъ) въ ярмарочные дни, случающіеся почти всегда въ великіе праздники. Это зло, оставшееся въ наслѣдство намъ отъ пресловутой уніи и польщизны, старавшихся православный народъ отвлекать отъ храмовъ православныхъ ярморочными сборами, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были костельные отпусты, чтобы хоть симъ пропагандировать „прелесть" своей папской „вяры". Въ настоящее время нѣсколько разъ поднимаемъ былъ вопросъ духовенствомъ о переводѣ ярмарокъ на дни непраздничные и народъ готовъ на это, да тѣ, отъ кого зависитъ объявить отмѣну съ праздничныхъ дней ярмарокъ, почему-то не идутъ на помощь духовенству, а лукаво предоставляютъ на волю народа, зная, что народъ нашъ безъ собственной инициативы, а все ждетъ повелѣній отъ начальства, даже и въ такихъ новинахъ, какъ переводъ ярмарокъ. Будемъ надѣятся, что

наша скромная замѣтка, быть можетъ, послужитъ въ напоминаніе нашимъ сопастырямъ приняться съ большой энергіей за отмѣну ярморочныхъ дней въ праздники, чтобы съ Божіей помощію хоть теперь выручить народъ православный изъ кабалы полонизма и жидовства, и переводомъ ярмарокъ на будничные дни дать народной жизни въ праздники болѣе сообразный христіанскій характеръ.

N. N.

Кіево-подольское церковно-приходское Царе-Константиновское училище за $18^{80}/_{81}$ учебный годъ.

Къ началу учебнаго года состояло въ училищѣ 64 ученика, изъ нихъ 39 учениковъ остались въ училищѣ отъ предыдущаго учебнаго года, а 25 мальчиковъ принято вновь. Въ теченія года выбыло изъ училища 11 учениковъ: 3—за выѣздомъ изъ Кіева, 4—за переходомъ на жительство въ другія части города, 2—по неимѣнію одежды зимней въ слѣдствіи крайней бѣдности, 1—по продолжительной болѣзни и 1—умеръ.

По степени развитія и подготовки ученики дѣлились на три группы: въ первой младшей группѣ было 30 учениковъ, во второй—средней—20 и въ третьей—старшей—14 учениковъ.

Ученіе производилось по программѣ городскихъ приходскихъ училищъ. Преподавателями состояли и въ настоящее время состоятъ: законоучителемъ священникъ Михаилъ Черняховскій, извѣстный своею опытностію на этомъ поприщѣ, учителемъ—окончившій курсъ семинаріи Трофимъ Костецкій съ 1875 года, учительницею пѣнія—вдова священника О. Я. Тукалова, которая управляетъ и существующимъ при Царе-Константиновской церкви хоромъ пѣвчихъ. Училище состоитъ подъ главнымъ наблюденіемъ настоятеля церкви; но въ теченіе учебнаго года нѣсколько разъ посѣщалъ училище и Инспекторъ народныхъ училищъ И. А. Чечетъ.

На содержаніе училища ассигнуется городскою Думою 783 рубля и попечителемъ учебнаго округа 100 рублей. Эти деньги, съ представленіемъ отчета въ городскую управу, расходуются: на жалованье преподавателямъ, на покупку учебныхъ пособій и ремонтъ училища. Благодаря указаннымъ средствамъ, училище постоянно содержится въ надлежащей чистотѣ и опрятности, имѣетъ всѣ класныя принадлежности и учебныя пособія и довольное число книгъ для чтенія; благодаря этимъ средствамъ, бѣднѣйшіе изъ учениковъ пользовались отъ училища книгами и другими учебными пособіями—бумагой, карандашами, перьями и чернилами.

Большинство учениковъ въ теченіе учебнаго года отличались весьма аккуратнымъ посѣщеніемъ классовъ, остальнымъ аккуратному посѣщенію училища препятствовали: въ зимнее время недостатокъ теплой одежды, простудныя болѣзни и дальность мѣста жительства отъ училища, а иногда и сами родители, оставлявшіе дѣтей дома для пособія по хозяйству—въ наблюденія за младшими дѣтьми. Экзаменъ ученикамъ произведенъ 19 іюня въ присутствіи настоятеля церкви—наблюдателя школы и преподавателей, Инспектора народныхъ училищъ г. Чечета, Благочиннаго Кіево-Подольскихъ церквей о. Х. М. Орды, представителя отъ городской управы Кіевскаго купца Ив. Мих. Зуева, которому поручено управою наблюденіе за экономическою частью училища, и нѣсколькихъ лицъ изъ почетнѣйшихъ прихожанъ Царе-Константиновской церкви. Отвѣты учениковъ въ большинствѣ были очень удовлетворительные по всѣмъ предметамъ и немного посредственныхъ; вообще впечатлѣніе отъ экзамена вынесено утѣшительное въ томъ отношеніи, что ассигнуемое думою пособіе на содержаніе училища вполнѣ достигаетъ своей цѣли, давая возможность такому количеству дѣтей получать опредѣленное программой приходскихъ училищъ образованіе, которое даетъ имъ, кромѣ льготы по воинской повинности, возможность поступать въ ремесленное училище и въ гимназію. По рекомендаціи г. Чечета, высказанной послѣ экзамена, Царе-Константиновское училище во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ на одномъ уровнѣ съ городскими приходскими училищами.

По окончаніи экзамена по предметамъ, ученики, подъ руководствомъ учительницы пѣнія, пропѣли нѣсколько пѣсень, принятыхъ къ изученію въ городскихъ училищахъ, національные гимны и молитву за Государя Императора. Учительница пѣнія приложила къ дѣлу и замѣчаніе о. Благочиннаго, высказанное послѣ прошлогодняго испытанія, а именно, чтобы ученики, какъ ученики церковно-приходскаго училища, были ознакомливаемы съ мотивами церковнаго пѣнія и пріучаемы къ хоровому пѣнію болѣе употребительныхъ церковныхъ пѣснопѣній; въ силу этого замѣчанія и по сознанію важнаго значенія въ жизни и вліянія на душу церковныхъ пѣснопѣній, ученики были обучены пѣнію нѣкоторыхъ пѣснопѣній, и стройно пропѣли: Подъ твою милость прибѣгаемъ, Богородице Дѣво... Не имамы иныя помощи. Въ наступившемъ учебномъ году обученіе пѣнію въ этомъ направленіи пойдетъ дальше.

Послѣ благодарственнаго молебна 21 іюня ученикамъ розданы награды, именно: 6 похвальныхъ

листовъ въ младшей группѣ,—5 похвальныхъ листовъ и 5 книгъ въ средней группѣ и 8 книгъ въ старшей группѣ. Всѣмъ остальнымъ розданы изъ училища; брошюра—мученическая кончина Государя Императора Александра II съ портретомъ Его Величества и съ описаніемъ и картинами событія 1 марта, брошюра—вѣнокъ на могилу Государя Императора Александра II и на листахъ стихотвореніе—вѣчная память Государю Александру II съ портретомъ Его Величества. Нужно было видѣть непритворную радость при полученіи этихъ брошюръ и листовъ...

Изъ старшей группы—8 учечиковъ сдали экзаменъ на льготу по воинской повинности, и получили свидѣтельства объ окончаніи ученія съ отмѣтками успѣховъ по предметамъ и поведенію, 3—по своему желанію остались въ училищѣ еще на годъ, какъ маловозрастные.

Къ настоящему 1881—82 учебному году осталось въ училищѣ 39 учениковъ, вновь принято 21—всего состоитъ въ училищѣ 60 учениковъ. *В.*

Опроверженіе клеветы. Прочитавши въ 197 № газеты „Заря“, что священникъ м. Медвина Л. (Левандовскій) проповѣдывалъ своимъ прихожанамъ о близкомъ концѣ міра, для чего убѣждалъ ихъ отречься отъ мірскихъ помысловъ и заботъ, дѣлать приношенія въ церковь, поститься и прочее тому подобное“, я съ перваго раза заподозрилъ истиность сего разсказа и остался въ той увѣренности, что прихожане о. Левандовскаго, либо не понявши его рѣчи, сдѣлали ложный перифразъ изъ нея, либо рѣчь его въ десятыхъ устахъ была искажена до совершенной противоположности смысла ея. Тѣмъ не менѣе, по долгу мѣстнаго Благочиннаго, я отправился въ м. Медвинъ для дознанія. И что же, по дознаніи, оказалось? Священникъ Левандовскій, вслѣдствіе того, что между его прихожанами не слышенъ былъ говоръ о газетныхъ толкахъ по поводу скораго свѣтопреставленія, счелъ неумѣстнымъ и несвоевременнымъ заводить рѣчь объ этомъ съ крестьянами ни въ частной бесѣдѣ, ни съ церковной каѳедры. Всѣ прихожане священника Левандовскаго показали, и готовы показать подъ присягой, что священникъ Левандовскій никогда ничего не говорилъ имъ по поводу газетныхъ толковъ о близкомъ концѣ міра, кромѣ того не только отъ священника Левандовскаго, но и ни отъ кого другаго они объ этомъ не слышали. Таковое свое показаніе прихожане Медвинской Успенской церкви изложили на бумагѣ, въ формѣ приговора, утвердили сей приговоръ 280 подписями, законнымъ числомъ сельскаго схода, подлинность сего своего приговора подтвердили свидѣтельствомъ Волостнаго Правленія и вручили его священнику Левандовскому, какъ вѣскій документъ его невинности въ взводимой на него клеветѣ. Волостное Правленіе, находящееся въ м. Медвинѣ, въ приходѣ Николаевской церкви, а потому отлично знающее священника Левандовскаго и его пастырскія дѣйствія, отъ себя также снабдило его письменнымъ документомъ, въ которомъ удостовѣряетъ, что священникъ Левандовскій не проповѣдывалъ народу того, что навязываетъ ему извѣстная статья газеты Заря. На чьей же, послѣ этого, сторонѣ правда, на сторонѣ ли пока неизвѣстнаго автора статьи газеты „Заря“, или же на сторонѣ священника Левандовскаго и его тысячныхъ свидѣтелей? Не возможно допустить, чтобы о. Левандовскій рѣшился заводить процессъ съ своимъ обличителемъ, чувствуя себя виновнымъ, а также, чтобы онъ могъ задобрить тысячу своихъ прихожанъ и Волостное Правленіе; но весьма возможно рѣшиться на всякую ложь и клевету злобы ради, либо ради прибытка. А потому обличитель о. Левандовскаго, разсказавши небылицу, слишкомъ поторопился съ своимъ умозаключеніемъ относительно мотивовъ, побудившихъ будто бы о. Левандовскаго „вспомнить темныя времена средневѣковой исторіи“, и обозвавъ, Христа ради, примѣрно хорошаго и всѣми уважаемаго пастыря, корыстолюбцемъ и слабоумнымъ. Чѣмъ кумушкѣ считать трудиться, не лучшель на себя оборотиться?—смѣло мы можемъ сказать теперь обличителю священника въ мнимомъ его корыстолюбіи и слабоуміи. Не обычный ли мотивъ сотрудника еврейской газеты заработать рубль заставилъ его сплести небылицу, обличающую своею нелѣпостью лишь его собственное слабоуміе? Помимо этого, мы не хотѣли бы предполагать, что эта клевета допущена съ тенденціозно-враждебною для духовенства цѣлію, хотя отношеніе „Зари“ къ духовенству, вполнѣ сообразное съ ея принципами, достаточно извѣстно. По какимъ бы впрочемъ мотивамъ ни появилась въ печати столь гнусная ложь и клевета, отъ этого не легче ни потерпѣвшему, ни въ лицѣ его всему духовенству, такъ часто безвинно осуждаемому; а потому нельзя неодобрить рѣшимости о. Левандовскаго преслѣдовать своего клеветника судебнымъ порядкомъ и тѣмъ озязательно показать читающему міру, на сколько могутъ быть основательны хулы, изрѣкаемыя на духовенство, особенно такими органами, какъ „Заря“. Въ утѣшеніе же публично обиженному священнику о. Левандовскому, а въ лицѣ его и всему духовенству остается сказать: *блажени есте, егда поносятъ вамъ и ижденутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще.*

Канев. у. 1 округа Благочинный, священникъ *Іоаннъ Гдѣшинскій.*

Профессоръ *А. Вороновъ.*

Содержаніе: *Часть неоффиціальная.* Изъ наблюденій сельскаго учителя надъ народною школою.—Престольный праздникъ въ с. Ковалевкѣ,—Кіево-Подольское церковно-приходское Царе-Константиновское училище за 1880—81 учебный годъ.—Опроверженіе клеветы.

Вышелъ въ свѣтъ № 41 Воскреснаго Чтенія. Содержаніе его слѣдующее: Воспоминаніе о покровительствѣ пресвятой Богоматери нашему отечеству.—Святой апостолъ и евангелистъ Лука.—Моника мать блаженнаго Августина.—«Я—уже не я».

При семъ № прилагается пробный № Проповѣдническаго Листка.

Печатать дозволяется. 20 октября 1881 г. Кіевская Духовная Академія.
Кіевъ. Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, собств. домъ.